

Генри Райдер Хаггард

Хозяйка Блосхолма

**Москва
Книга по Требованию**

УДК 82-311.3

ББК 84-4

Генри Райдер Хаггард

Хозяйка Блосхолма / Генри Райдер Хаггард – М.: Книга по Требованию, 2011. – 188 с.

ISBN 978-5-4241-1457-1

Действие романа происходит в 1535—1537 годах, в переломный период английской истории.

Хотя роман не может быть признан безупречным с исторической точки зрения, направленность против суеверий и религиозного фанатизма, которые играют на руку власть имущим и помогают им безнаказанно творить свои грязные дела, правдивое изображение суровой эпохи, увлекательный сюжет обеспечили ему известность не только в Англии, но и за ее пределами.

ISBN 978-5-4241-1457-1

© Издание на русском языке, оформление, « YOYO Media», 2011

© Издание на русском языке, оцифровка, « Книга по Требованию», 2011

Генри Райдер Хаггард
Хозяйка Блосхолма

1. СЭР ДЖОН ФОТРЕЛ

Кто хоть раз видел развалины Блосхолмского аббатства, ¹, никогда не сможет забыть их. Аббатство расположено на холме, с севера его окаймляет полноводное устье реки, по которому поднимается прилив; с востока и юга оно граничит с богатейшими поместьями, лесами и заболоченными пастбищами, а с запада окружено холмами, постепенно переходящими в пурпурные торфяные земли; гораздо дальше за ними виднеются бесконечные мрачные вершины. Вероятно, пейзаж не очень изменился с времен Генриха VIII ², когда произошло то, о чем мы собираемся рассказать; здесь не появилось большого города, не были вырыты шахты или построены фабрики, оскорбляющие землю и оскверняющие воздух ужасным, удушливым дымом.

Мы знаем, что население деревни почти не менялось — об этом говорят старые переписи, — а так как здесь не проложили железной дороги, то облик Блосхолма, вероятно, остался почти таким же. Дома, построенные из местного серого камня, долго не поддавались разрушению.

Люди многих поколений входили и выходили все из тех же дверей, хотя теперь крыши большинства домов покрыты черепицей или грубыми плитами сланца, вместо тростника, нарубленного у плотины. Железные помпы, заменившие в колодцах деревни прежние ведра на валиках, все еще снабжают деревню питьевой водой, как во времена Эдуарда Первого ³, а может быть, существовали много веков до него. Недалеко от ворот аббатства, посредине монастырского луга, все еще можно было увидеть колодки и позорный столб, несмотря на то что ими не пользуются и надобность в них отпала. На позорном столбе красуются три набора железных скоб разного диаметра, прикрепленные на разной высоте и приспособленные для рук мужчины, женщины и ребенка.

Все это, помнится, находилось под странной старой крышей, которую поддерживали необтесанные дубовые столбы; над крышей виднелся флюгер, изображавший архангела, возвещающего о страшном суде, — фантазия монастырского художника: труба, или каретный рожок, или какой-то другой музыкальный инструмент, в который он трубил, исчез.

Приходская книга говорит, что во времена Георга I ⁴ какой-то мальчишка отбил его и расплавил, за что был публично высечен; именно тогда, по всей вероятности, и воспользовались этим столбом в последний раз. Но Гавриил все еще вернется так же решительно, как и тогда, когда известный кузнец, старик Питер, сделал его и собственноручно установил в последний год царствования короля Генриха VIII; говорят, он поставил архангела в память того, что здесь были прикованы Сайсели Харфлит, леди Блосхолма, и ее кормилица Эмлин, осужденные на сожжение как ведьмы.

Время коснулось Блосхолма лишь слегка. Почти все луга носят те же названия и сохранили ту же самую форму и границы. Старые фермы и несколько помещичьих домов, где жила местная знать, стоят там же, где стояли всегда. Прославленная башня аббатства все еще стремится к небу, хотя у нее уже нет колоколов и крыши, в то время как в полумиле от нее по-прежнему стоит среди древних вязов приходская церковь, перестроенная при Вильгельме Рыжем ⁵ на заложенном еще во времена саксов фундаменте ⁶. Дальше, на склоне долины, куда по

полям сбегает ручеек, находились развалины совершенно разрушенного женского монастыря, когда-то подчинявшегося величавому аббатству на холме; часть развалин была покрыта листами оцинкованного железа и использовалась под коровники.

Об этом аббатстве, об этом женском монастыре и о тех, которые жили в тех местах в давно прошедшие времена, и в особенности о подвергшейся преследованиям прекрасной женщине, которая была известна как леди Блосхолма, и пойдет наш рассказ.

Это было в середине зимы, 31 декабря 1535 года. Старый, седобородый и краснощекий Фотрел, человек лет шестидесяти, сидел перед камином в столовой своего большого дома в Шефтоне и читал письмо, только что принесенное из Блосхолмского аббатства. Сер Фотрел наконец одолел его, и если бы кому-нибудь довелось быть при этом, он мог бы увидеть рыцаря, хозяина обширного поместья, в ярости, необычной даже для времени Генриха VIII. Сер Джон швырнул бумагу на землю, выпил подряд три кубка крепкого эля — и до того выпитого в изрядном количестве, — разразился градом отборнейших ругательств, бывших в ходу в то время и, наконец, в самых пылких выражениях послал тело блосхолмского аббата ⁷ на виселицу, а его душу в ад.

— Он притязает на мои земли, вот как! — воскликнул он, грозя кулаком в сторону Блосхолма. — Что говорит этот негодяй? Что прежний аббат разделил их с моим дедушкой не полюбовно, а под угрозами и страхом. Теперь, пишет он, этот государственный секретарь Кромвэл ⁸, прозывающийся главным викарием, заявил, что вышеупомянутая передача была незаконной и что я должен вручить вышеупомянутые земли Блосхолмскому аббатству до сретения или в самый день праздника. Интересно, сколько заплатили Кромвэлу за то, чтобы он подписал этот приказ без всякого расследования?

Сер Джон налил и выпил четвертый кубок эля, затем принялся ходить взад и вперед по залу. Наконец он остановился перед камином и заговорил с ним, как если бы это был его враг:

— Вы умный парень, Клемент Мэлдон, мне говорили, что все испанцы тако-вы, вас научили вашему ремеслу в Риме и нарочно прислали сюда. Вначале вы были никто, а теперь вы аббат Блосхолма и, может, достигли еще большего, если бы король не поссорился с папой ⁹. Но иногда вы забываетесь — ведь южная кровь горяча, и что у трезвого на уме, то у пьяного на языке. Не прошло и года с тех пор, как вы сказали при мне и при других свидетелях кое-какие слова, о которых я вам теперь напомню. Может быть, когда о них узнает секретарь Кромвэл, он откажется отдать вам мои земли, а вашу голову, голову заговорщика, поднимет, пожалуй, еще выше. Придется напомнить вам об этих словах. Большими шагами сэр Джон подошел к двери и закричал; не будет преувеличением сказать, что он заревел, как бык. Немного спустя дверь распахнулась, и появился слуга — кривоногий, коренастый парень, с копной черных волос на голове.

— Ты не торопишься, Джеффри Стоукс? Неужели должен я ждать, когда вашей милости угодно будет пожаловать? — сказал сэр Джон.

— Как можно прийти быстрее, хозяин? За что вы меня браните?

— Ты еще поспорь со мной, парень. Повтори-ка еще раз и я прикажу тебя привязать к столбу и отхлестать.

— Вы бы сами себя отхлестали, хозяин! Вышла бы из вас желчь и пары

доброе зля — вот что вам нужно! — хриплым голосом ответил Джефри. — Бывают люди, не умеющие ценить настоящих слуг, но такие часто умирают в одиночку. Что вам нужно? Если могу, сделаю, а нет, так делайте сами.

Сэр Джон поднял руку, точно собираясь ударить его, затем снова опустил ее.

— Люблю, когда человек умеет дать отпор, — сказал он более мягко, — и у тебя как раз такой характер. Не обижайся на меня, малый. Я злось, и не без причины.

— Злость-то я вижу, а причины не знаю, хотя, может, и отгадаю: ведь только что из аббатства приходил монах.

— Увы! В том-то и дело, в том-то и дело, Джефри. Послушай-ка! Я немедленно поеду в это воронье гнездо. Оседлай мне лошадей.

— Хорошо, хозяин. Я оседлаю двух лошадей.

— Двух? Я сказал одну, дурак; разве я скоморох, чтобы ехать на двух сразу?

— Этого я не знаю, но вы поедете на одной, а я на другой. Блосхолмский аббат приезжает к сэру Джону Фотрелу из Шефтона с соколом на руке, с капелланами ¹⁰ и пажам и с десятком недавно нанятых здоровенных вооруженных людей. Это больше, чем подобает священнику. Когда сэр Джон Фотрел едет в Блосхолмское аббатство, его должен сопровождать слуга, который мог бы держать его лошадь и служить свидетелем.

Сэр Джон испытующе посмотрел на него.

— Я обозвал тебя дураком, — сказал он, — но ты дурак только по виду. Делай как хочешь, Джефри, только поскорее. Стой! Где моя дочь?

— Леди Сайсели у себя в гостиной. Я видел ее нежное личико в окне; она так смотрела на снег, будто видит привидение.

— Хм, — проворчал сэр Джон, — привидение, о котором она думает, шести футов роста и ездит на большой серой кобыле; у него веселое лицо и пара рук, прекрасно приспособленных для меча и для того, чтобы крепко обнять девушку. Надо выдумать заклинание, чтобы привидение не появилось, Джефри. — Очень жаль, хозяин. А вам, может быть, это и не удастся? Заставить исчезнуть привидение — это дело священника. Мужские руки найдут что обнять, раз девичьи сами к нему тянутся.

— Эй ты, иди! — заревел сэр Джон, и Джефри вышел.

Через десять минут они уже ехали по направлению к находившемуся в трех милях аббатству, а еще через полчаса сэр Джон не слишком скромно стучался в ворота; услышав стук, монахи, как испуганные муравьи, забежали взад и вперед, так как времена были тяжелые и никто не мог знать, что ему угрожает.

Узнав наконец гостя, они принялись отодвигать засовы огромных дверей, опускать поднятый на закате подъемный мост.

Вскоре сэр Джон стоял в комнате аббата, греясь у большого камина; за ним стоял слуга Джефри, держа в руках его длинный плащ.

Это была красивая комната с потолком из благородного резного орехового дерева, с каменными стенами, увешанными дорогими гобеленами, на которых были вытканы сцены из священного писания. Пол был покрыт роскошными коврами из цветной восточной шерсти. Так же великолепна была и чужеземная мебель с инкрустациями из слоновой кости и серебра; на столе стояло золотое распятие чудесной работы, на мольберте, повернутом так, что свет от серебряной висячей лампы падал прямо на него, — картина какого-то великого итальянско-

го художника. На ней изображалась в человеческий рост кающаяся Магдалина; прекрасные глаза женщины были обращены к небу, она била себя кулаком в грудь.

Сэр Джон огляделся и презрительно фыркнул.

— Ну, Джефри, как ты думаешь, где мы находимся? В келье монаха или в гостиной какой-нибудь придворной дамы? Посмотри под стол, парень, наверняка ты там найдешь ее лютню и вышивание. Чей это портрет, как тебе кажется? — И он указал на Магдалину.

— Я думаю, что это кающаяся грешница, хозяин. Она была приятна для мирян, пока была грешницей, а теперь стала святой и потому приятна для священника. А что касается всего остального, здесь неплохо можно было бы выспаться после кубка красного вина. — И он ткнул большим пальцем в сторону бутылки с узким и длинным горлышком, стоявшей на краю стола.

— А что камин ярко пылает, в этом нет ничего удивительного, ведь его топят сухим дубом из вашего Стикслейского леса.

— Откуда ты это знаешь, Джефри? — спросил сэр Джон.

— По его прожилкам, хозяин, по его прожилкам. Я перевел там слишком много леса, чтобы не знать. Только стикслейские глины делают кольца извилистей и темнее к сердцевине. Посмотрите.

Сэр Джон посмотрел и злобно выругался.

— Ты прав, парень, теперь я вспомнил. Когда я был еще мальчишкой, мой дед показал мне именно эту особенность стикслейских дубов. Эти проклятые монахи истребляют мои леса прямо у меня под носом. Мой лесничий — негодяй. Они напугали или подкупили его, и я его за это повешу.

— Сначала докажите преступление, хозяин, а это не так-то легко, а потом уж говорите о виселице. Только короли да аббаты, имеющие «право виселицы»¹¹, могут сделать это, если захотят. Ох, это правда, — добавил он изменившимся голосом, — прекрасная комната, хотя недостаточно хороша для того святого, что в ней живет; такому святому подобало бы иметь серебряную раку¹², вроде той, что стоит перед алтарем, и он безусловно заслужит ее еще до того, как состарится. — И Джефри, точно случайно, наступил на побаливающую подагрическую ногу хозяина.

Сэр Джон круто обернулся, как блосхолмский флюгер в ненастный день.

— Неуклюжая жаба! — заревел он и сразу замолчал, потому что среди бесшумно раздвинувшихся гобеленов появился одетый в дорогие меха высокий человек с тонзурой¹³ и за ним двое других тоже с тонзурами, но в простых черных одеждах. Это был аббат со своими капелланами.

— Благослови господь — мягко сказал аббат с иностранным акцентом, поднимая два пальца правой руки для благословения.

— Добрый день, — ответил сэр Джон, в то время как его слуга поклонился и перекрестился. — Почему вы подкрадываетесь к людям, как вор по ночам, святой отец? — раздраженно добавил он.

— Сказано, что именно так грядет страшный суд, сын мой, — ответил аббат, улыбаясь. — И по правде говоря, в нем чувствуется некоторая необходимость. Мы слышали громкие споры и разговор о том, чтобы кого-то повесить. Основательно ли ваше обвинение?

— Оно крепче дуба, — угрюмо ответил старый сэр Джон. — Мой слуга сказал, что эти дрова в камине взяты из моего Стикслейского леса, а я ответил

ему, что если это так, то, значит, они украдены и мой лесничий должен быть за это повешен.

— Достойный человек прав, сын мой, и все же ваш лесничий не заслуживает наказания. Я купил у него скудный запас топлива, и, если говорить правду, счет еще не оплачен. Деньги, которые следовало внести, отправлены в Лондон, потому я попросил отложить плату до получения летней ренты. Не вините его, сэр Джон, если по дружбе к нам и зная, что это не причинит вам ущерба, он не потерпел скудости нашей скромной обители.

Сэр Джон окинул взглядом роскошную комнату.

— Разве это скудность скромной обители заставила вас послать мне письмо, в котором говорится, что у вас есть предписание Кромуэля захватить мои земли? — спросил сэр Джон, набрасываясь, как бык, на своего обидчика и бросая на стол письмо. — Или вы хотите сказать, что заплатите за них, когда получите свою летнюю ренту?

— Нет, сын мой. Долг заставляет меня начать это дело. Двадцать лет мы оспариваем эти поместья, которые, как вы знаете, ваш дед в трудную минуту отобрал у нас, разделив их пополам, несмотря на протест того, кто был в то время аббатом. Поэтому я, наконец, изложил дело главному викарию, который, как я слышал, решил вопрос в пользу аббатства.

— Удовлетворить иск, о котором ответчик и понятия не имеет! — воскликнул сэр Джон. — Милорд аббат, это нельзя назвать правосудием; это мошенничество, и я не потерплю этого. Помилуйте, может быть, он еще что-нибудь решил?

— Раз уж вы спрашиваете об этом — кое-что еще, сын мой! Чтобы избежать лишних расходов, я изложил ему некоторые не решенные между нами вопросы; вот вкратце его решение: ваше право на владение блосхолмскими землями и прилегающими землями, в общей сложности достигающими 8 тысяч акров¹⁴, не аннулируется, но оно не считается безусловным и остается под сомнением.

— Помилуй бог! Почему? — спросил сэр Джон.

— Я скажу вам, сын мой, — мягко ответил аббат. — В течение столетия земли принадлежали этому аббатству как дар короны, и нет никаких документов, указывающих на то, что корона согласилась на их отчуждение.

— Никаких документов, — воскликнул сэр Джон, — но у меня в секретном ящике есть договор, подписанный моим прадедушкой и аббатом Франком Ингхемом! Никаких документов, но мой вышеупомянутый прадедушка дал вам вместо них другие земли, и вы ими сейчас владеете! Прекрасно, продолжайте, святой отец.

— Мой сын, я повинуюсь вам. Ваше право, хотя и является сомнительным, не аннулировано полностью; считается все еще, что вы будете владеть этими землями как арендатор аббатства, но они перейдут к нему, если вы умрете, не оставив потомства. Если же вы умрете, имея несовершеннолетних детей, то они будут переданы под опеку блосхолмского аббата, если таковой будет существовать, а если нет — то есть не будет ни аббата, ни аббатства, — то под опеку короны.

Сэр Джон выслушал это, затем откинулся на спинку стула, а его красное лицо посерело, как зола.

— Покажите мне это решение, — медленно сказал он.

— Оно еще не написано, сын мой. В течение десяти дней или около того, я

надеюсь... Но вам, кажется, плохо. Быть может, после наружного холода подействовало тепло этой комнаты. Выпейте бокал нашего скромного вина.

И по его знаку один из капелланов шагнул к буфету, наполнил бокал из стоявшей там бутылки с длинным горлышком и поднес ее сэру Джону.

Тот взял его, не сознавая, что делает, затем внезапно бросил серебряный бокал вместе с содержимым в огонь, откуда капеллан и извлек его щипцами.

— Выходит, что вы монахи, оказываетесь моими наследниками, — сказал сэр Джон совсем другим, спокойным голосом, — по крайней мере вы так говорите, а если это так, то, вероятно, мне осталось недолго жить. Я не буду пить вашего вина, оно может быть отравлено. Теперь послушайте меня, сэр аббат. Я мало верю в эту сказку, хотя, без сомнения, взятками и другими способами вы сделали все от вас зависящее, чтобы за моей спиной навредить мне там, в Лондоне. Но завтра на рассвете, будет ли хорошая погода или ненастье, я поскачу сквозь снега в Лондон, где у меня тоже есть друзья, и мы еще посмотрим...

Мы еще посмотрим. Вы умны, аббат Мэлдон, и я знаю, что вам нужны деньги или что-нибудь взамен, чтобы платить вашим оруженосцам и чтобы удовлетворить ваши громадные потребности — да, да, старинные драгоценности времен крестовых походов. Из-за них вы ищете способа ограбить меня — ведь вы всегда меня ненавидели, и, может быть, Кромуэл поверил вашей басне. Быть может, безумный монах, — добавил он медленно, — он хотел откормить на моих хлебах такого церковного гуся, как вы, перед тем как свернуть ему шею и сварить его.

При этих словах бесстрашный аббат содрогнулся и даже два бесстрастных капеллана переглянулись.

— Ах! Это вас волнует? — спросил сэр Джон Фотрел. — Хорошо, тогда вот что заставит вас содрогнуться по-настоящему. Вы думаете, что к вам благоволят при дворе, не так ли? Потому что вы принесли присягу на счет престолонаследия¹⁵, от которой люди храбрее вас, например братья картезианского монастыря¹⁶, отказались и погибли из-за этого. Но вы забыли слова, сказанные вами мне в моем доме, когда любимое ваше вино повлияло на вас, что...

— Замолчите! Ради самого себя замолчите, сэр Джон Фотрел! — перебил аббат. — Вы заходите слишком далеко.

— Не так далеко, как отправитесь вы, милорд аббат, прежде даже, чем я сам рассчитаюсь с вами. А вы попадете в Тауэр Хилл¹⁷ или на площадь Тайберн¹⁸, где вас повесят и четвергуют как изменника его величеству. Говорю вам, вы забыли сказанные вами слова, но я вам их напомину. Разве вы мне не сказали, когда ушли гости, что король Генрих — еретик, тиран и безбожник, и папа хорошо сделал, если отлучит его от церкви и лишит престола? Разве вы не спросили меня, когда я пошел вас провожать, не мог ли бы я вызвать в этой местности, где пользуюсь влиянием, восстание простолюдинов, а также знающих и любящих меня дворян, чтобы свергнуть короля, а на его место посадить некоего кардинала Пола, и за это обещали мне прощение и отпущение всех грехов и великие почести — именем папы и испанского императора¹⁹.

— Никогда этого не было, — отвечал аббат.

— И разве я, — продолжал сэр Джон, не обращая внимания на его слова, — разве я не отказался слушать вас и не сказал вам, что ваши слова предательство, и будь они сказаны где-нибудь в другом месте, а не в моем доме, я, как повеле-

вает мой долг верноподданного, доложил бы о них? Да, да и разве не с этой минуты вы стремитесь погубить меня, потому что вы меня боитесь?

— Я все это отрицаю, — снова сказал аббат. — Все это пустая ложь, вымышленная вашей злобой, сэр Джон Фотрел.

— Вот как! Пустые слова, милорд аббат? Ну, так я говорю вам, они все записаны и подписаны, как полагается по форме. Говорю вам, что у меня есть свидетели, о которых вы и не подозревали и которые слышали их собственными ушами. Здесь, за моим столом, стоит один из них. Не так ли, Джефри?

— Так точно, хозяин, — ответил слуга. — Я вместе с другими случайно оказался в маленькой комнате с деревянной панелью, где мы ждали аббата, чтобы проводить его домой, и слышали все, а потом я и они поставили свои подписи на документе. Это так же верно, как то, что я христианин, но, несмотря на это, хозяин, как бы несправедливо со мной не обошлись в этом доме, я не стал бы об этом распространяться.

— А мне так нравится, — ответил рассвирепевший рыцарь, — и я стану говорить об этом еще громче в любом другом месте, например перед Королевским советом. Завтра, милорд аббат, я с этим документом отправлюсь в Лондон, и тогда вы узнаете, чего вам будет стоить попытка лишить Фотрела его состояния.

Теперь, в свою очередь, испугался аббат. Его гладкие оливковые щеки побледнели и впали, как будто он уже почувствовал, как веревки обвиваются вокруг его шеи. Его руки, все в драгоценных кольцах, дрожали, и он, схватив руку одного из капелланов, оперся на нее.

— Человек, — прошипел он, — неужели ты думаешь, что, произнеся подобные лживые угрозы, ты выйдешь отсюда, чтобы погубить меня, священнослужителя? У меня здесь есть темницы; я облечен властью. Будет доказано, что ты напал на меня и я всего лишь защищался; не ты один, сэр Джон, можешь давать показания. — И он прошептал какие-то слова по-латыни или по-испански на ухо одному из капелланов, после чего священник повернулся, чтобы уйти.

— Кажется, теперь мы попали в историю, — сказал Джефри Стоукс, кладя руку на кинжал у пояса и проскользнув между дверью и монахом.

— Вот именно, Джефри! — воскликнул сэр Джон. — Держись, крысиная нора. Смотри, испанец, вот мой меч. Проводите меня к воротам, или, в силу королевских полномочий, мне данных, я буду немедленно судить тебя как предателя и, если добьюсь своей цели, отвечу за все.

Аббат с минуту подумал, как бы измеряя мысленно ярость стоящего перед ним рыцаря. Затем сказал:

— Идите как пришли, с миром, о раб ярости и зла, но знайте, что проклятие церкви последует за вами. Я говорю вам, что вы стоите на краю гибели.

Сэр Джон посмотрел на него. Злоба исчезла с его лица, на нем появилось какое-то странное выражение — пророческое или вдохновенное, можно назвать это как угодно.

— Во имя неба и всех святых! Я думаю, что вы правы, Клемент Мэлдон, — пробормотал он. — Под этой черной рясой вы такой же человек, как и мы все, — не правда ли? У вас есть сердце, есть руки и ноги, есть мозг, чтобы думать. Для бога вы всего лишь скрипка, на которой он играет, и как бы сильно ваш религиозный фанатизм ни искажал ее звуков, струны порой говорят правду. Ну, а я — другая, может быть, более честная скрипка, хоть я и не поднимаю двух пальцев

правой руки и не говорю: «Благословляю, сын мой» или: «Отпускаются вам грехи ваши», и вот сейчас наш единый бог играет во мне свою мелодию, и я скажу вам, что она говорит. Я стою у порога смерти, но и вы стоите недалеко от виселицы. Я умру как честный человек; вы умрете, как пес, предавший все, и после этого пусть ваши молитвы, ваши обедни и ваши святые помогут вам, если им это удастся. Мы поговорим об этом еще раз, когда снова встретимся где-нибудь в другом месте. А теперь, милорд аббат, ведите меня к воротам, помня, что я с мечом следую за вами. Джеффри, поставь перед собой этих мерзких воронов и следи за ними как следует. Милорд аббат, я ваш слуга. Вперед!